

§ 3 ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Савченко Д.А.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОПЫТ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVII в.

Аннотация: В работе исследуются правовые средства защиты основ политического строя русского централизованного национально-полиэтнического государства середины XVII в. Анализируются тексты присяги населения на верность царю и Уложения 1649 г. Особое внимание уделено положениям о защите личности и статуса царя как основного элемента политической системы. Дается их сопоставление с законодательством одного из главных внешнеполитических конкурентов Московского государства – Великого княжества Литовского. Отмечено, что на рубеже XVI – XVII вв. правовые нормы, направленные на обеспечение безопасности политического строя русского государства, усложняются и совершенствуются как в русле общего укрепления централизованного государства, так и под влиянием политических кризисов и конфликтов, не раз перераставших в военные столкновения, которые ставили под угрозу само существование самостоятельного Московского царства. В результате к середине XVII в. правовое обеспечение политической безопасности определялось достаточно развитой системой регулятивных и охранительных норм. Профилактическим средством обеспечения политической безопасности Московского государства была религиозная присяга подданных на верность царю. Уложение 1649 г. содержало охранительные предписания, призванные обеспечить реализацию обязательств, которые были зафиксированы в тексте присяги. Сделан вывод о том, что с принятием Уложения 1649 г. в Московском государстве в основном завершилось формирование оригинальной системы правовой защиты политической безопасности. Она носила комплексный характер и отличалась сочетанием предупредительных и карательных мер. Система включала предписания государственно-правовые, уголовно-правовые и процессуальные, которые взаимно дополняли друг друга. Главным объектом политической безопасности признавалась личность и статус царя. При этом юридические (светские) правила охраны политического строя во многом опирались на институты религиозного характера.

Review: The article is devoted to the legal means of protection of the bases of political order in the Russian centralized poly-ethnic state in the middle of XVII century. The author analyzes the text of the pledge of alliance of the people to the tsar and the Code of 1649. Special attention is paid to the provisions on the protection of personality and status of the king as the key element of the political system. It is compared with the legislation of one of the main foreign political rival of the Moscow kingdom – the Grand Duchy of Lithuania. It is noted that at the turn of the XVI – XVII centuries the legal norms aimed to guarantee the political order of the Russian state become more complicated and were improved within the framework of general strengthening of the centralized states under the influence of political crises and conflicts which often ended up on military clashes, which threatened the very existence of an independent Moscow kingdom. As a result of the above-mentioned matters by the XVII century the legal guarantees of political security were established by a rather well-developed system of regulative and law-enforcement norms. The religious pledge of alliance to the king served as preventive means in order to guarantee the political security of the Moscow state. The Council Code of 1649 contained protective provisions, aimed to guarantee the implementation of obligations provided for in the text of the pledge. The author comes to a conclusion that when the Council Code of 1649 appeared the original system of legal protection of political security was finally formed in the Moscow state. It was a complex system

Правовое обеспечение национальной безопасности

which was characterized by the combination of preventive and punitive measures. The system included state law, criminal law, and procedural provisions, which mutually complemented each other. The main objects of political security were personality and status of the tsar. At the same time legal (secular) rules for the protection of political order were much supported by the religious institutions.

Ключевые слова: политический строй, политическая безопасность, история права, Московское государство, царь, религиозная присяга, Соборное уложение, система норм, «государская честь», смертная казнь
Keywords: political order, political security, Moscow state, tsar, religious pledge, the Council Code, system of norm, honor of a king, capital punishment.

1 ■ На рубеже XVI – XVII вв. Россия вступила в новый исторический период своего развития¹. Она была громадным по масштабам того времени государством – сословно-представительной монархией. Продолжалось расширение ее границ на Востоке.

Завершался процесс централизации политической системы. Формировалось национальное государство, объединяющее всю великорусскую народность. В свою очередь вокруг нее объединялись другие народы – финно-угорские, тюркские, славянские. Развитию полиэтничного государства способствовало укрепление власти монарха – православного царя. Важную роль в механизме государства играла Боярская Дума – как законодательный, административный и судебный орган. Существенное развитие получили приказы, которые были центральными исполнительными и судебными органами власти.

Вместе с государством модернизировалось российское право. Важные изменения происходили в гражданском, финансовом и административном праве. Интенсивно развивалось уголовное и процессуальное право. Изменялась система преступлений, наказания и меры безопасности. Важнейшим этапом систематизации российского права было принятие Соборного уложения 1649 г., которое надолго становится основой российского законодательства последующих периодов.

Вышесказанное в полной мере относится к правовым нормам, направленным на обеспечение безопасности политического строя страны. Они существенно усложняются и совершенствуются не только в русле общего укрепления централизованного государства, но и под влиянием политических кризисов и острых конфликтов, не раз перераставших в военные столкновения

внутреннего и международного характера, которые ставили под угрозу безопасность и само существование самостоятельного Московского царства. Речь идет, прежде всего, о событиях Смутного времени, гражданской войны и интервенции начала XVII в., казацко-крестьянских и городских восстаниях 30-х и 40-х гг. В 1648 г. крупное восстание происходит в Москве.

В результате, к середине XVII в. правовое обеспечение политической безопасности определялось целой системой регулятивных и охранительных норм крестоцеловальных записей² и Соборного Уложения. Подкрепленные решениями по конкретным делам и основанные на религиозно-правовом сознании представителей власти того периода, они свидетельствовали о появлении в правовой системе Московского государства соответствующего комплексного правового института, включавшего нормы государственно-правового, уголовно-правового и процессуального характера.

С 40-х гг. XVII в. формируется практика создания для рассмотрения дел о политических преступлениях специальных следственных комиссий. И.Б.Голикова объясняла это тем, что «временные комиссии действовали более оперативно», чем постоянные приказы. При этом комиссии использовали персонал и помещения приказов. Следственные комиссии посылались в города, в которых происходили волнения. Их полномочия нередко позволяли не только производить следствие, но и вершить суд, а также приводить приговоры в исполнение³.

² Савченко Д.А. Правовое значение крестоцеловальных записей конца XVI – начала XVII веков // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 25. Томск, 2005. С. 62 – 66.

³ Голикова И.Б. Организация политического сыска в России XVI-XVII вв. // Государственные учреждения России XVI-XVII вв. М., 1991. С. 31 – 32.

¹ Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. М., 1985. С. 5 – 15.

2. Важным профилактическим средством обеспечения политической безопасности Московского государства была религиозная присяга подданных на верность царю («крестное целование» – для христиан, «шерть» – для подданных иных вероисповеданий). Сформулированные в записях обязательства населения были основной формой фиксации государственно-правовых отношений подданства между человеком и царем как его государем. Записи являлись также средством доведения до населения тех запретов, которые были установлены государством и церковью в целях обеспечения безопасности политического строя.

Не была в этом отношении исключением и крестоцеловальная запись 1645 г. на верность взошедшему на престол царю Алексею Михайловичу⁴. Все подданные клялись «государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси и его государеве матери» в первую очередь «их государского здоровья мне во всем оберегати, и никакого лиха им государям не мыслити». Как и в крестоцеловальных записях на верность прежним царям: Годуновым, Лжедмитрию и Шуйскому, – запрет «хотения лиха государю» выступает в качестве основной обязанности. При этом трактуется он в качестве средства охраны «государского здоровья» как высшей ценности.

Далее в крестоцеловальной записи закреплялось обязательство «опричь... Алексея Михайловича на Московское государство и на все великия государства Российского царствия иного государя... не хотети и государства под ним... не подыскивать». После этого устанавливалось требование с теми, кто злоумышляет на царя, «за государя... битись, и... мне их переимав привести к государю; а будет за которыми мерами тех людей поймать немочно, и мне про тот скоп и заговор сказать ему государю и его государевым боярам и ближним людям, или в городех воеводам и приказным людям».

Следующий раздел записи 1645 г. касался обязательства «государю служить и с недруги

его... битись... до смерти», а также «государю... и его государеве матери... не изменить некоторыми делы и некоторою хитростью». Указывался и ряд конкретных форм измены: «в иные государства не отъехать»; «из города и из полков и из посылок... не съехать»; «города не сдать»; «воевод и... начальных людей не покинуть»; «с государевыми изменники не ссылатся». Особо выделялось обязательство «битись до смерти» с теми, «кто не станет государю... служить и прямити, или кто учнет с изменники и с татары и с литовскими и с немецкими людьми ссылатся». В записи специально оговаривалась недопустимость соучастия в «воровстве» и измене, совершаемой иными лицами: «а самому мне ни к какой измене и к воровству ни к какому и ни к какой к воровской прелести не приставать».

Анализ записи 1645 г. показывает, что содержащийся в ней перечень форм измены был более полным по сравнению с записью 1613 г. на верность отцу Алексею царю Михаилу Федоровичу.

Во-первых, в записи 1645 г. дополнительно указаны «сдача города» и «отъезд из полков». Во-вторых, специально выделены «съезд из посылок без государева указа и без отпуска» и «покидание в посылке голов и начальных людей», то есть своеобразное невозвращение из командировки («посылки») или невыполнение командированными своих обязанностей.

Появление в крестоцеловальной записи 1645 г. «съезда из посылки» как относительно самостоятельной формы измены, по всей видимости, было обусловлено необходимостью борьбы с соответствующим явлением. Оно, вероятно, становилось заметным в условиях расширения международных контактов, а также увеличения территории Российского царства и роста масштабов деятельности по управлению новыми подданными.

Не случайно в записи 1645 г. среди недругов государя наряду с крымскими, нагайскими, литовскими и немецкими «людьми», которые упоминались и в записи 1613 г., были дополнительно указаны «сибирского царя Кучюма внук Дивлеткирей с братьею, с племянники», «колымыцкие таиши и их черные люди», «киргизы, якуты и иные сибирские иноземцы, которые государю непослушны».

Да и упоминание в крестоцеловальной записи 1645 г. «отъезда из полков» и «сдачи города»

⁴ Крестоцеловальная запись (в списке), по которой всякого чина и звания люди присягали в верности государю царю Алексею Михайловичу и матери его царице Евдокии Лукьяновне. 1645, в июле. // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Т. 3. № 123. С. 421.

как форм измены вызывались, вероятно, военно-политическими интересами Москвы не только в отношениях с западными, северными и южными соседями, но и потребностями освоения и закрепления новых восточных территорий.

Это обстоятельство особенно наглядно проявилось в тексте шертной записи 1648 г. на верность царю, царице и недавно родившемуся царевичу, по которой давали присягу мусульманские подданные⁵. Здесь давалась особая трактовка измены, несколько отличающаяся от той, что была закреплена в крестоцеловальной записи.

Среди форм измены в шертной записи не упоминается «общий отъезд», то есть отъезд в другие государства. Можно предположить, что в отношении нехристиан возможность обеспечить контроль в этой сфере была минимальна, так как важные функции в области учета населения в Московской религиозно-политической системе принадлежали христианской церкви.

В то же время в отношении нехристиан в качестве самостоятельного выделен запрет «воинского похода под государевы города». В шертной записи 1648 г. предписывалось: «...и его государевых людей не побивать и не грабить, и под его государевы сибирские и русские города и остроги войною не приходить». О ставших известными преступных намерениях других лиц («на русских людей... скоп и заговор, или иной какой лихой умысел, или воинским людям поход под государевы города») клянущийся должен был под страхом возмездия⁶ сообщить воеводам и приказным людям.

После положений, направленных на борьбу с изменой, крестоцеловальная записка 1645 г. содержит запрет «самовольством, скопом и заговором ни на кого не приходить и никого не грабить и не побивать». Соответствующее положение впервые появилось в крестоцеловальных записях периода «междоцарствия», а затем и в запи-

си на верность Михаилу Романову. Память о событиях Смуты была в Москве столь сильна, что обязательство по недопущению массовых беспорядков («скопа и заговора») было сохранено и в крестоцеловальной записи на верность второму царю из новой династии. Обоснованность опасений новых беспорядков нашла свое подтверждение уже на третьем году правления Алексея Михайловича во время Московского бунта 1648 г. и восстаний в других городах.

Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что во всеобщей крестоцеловальной записи 1645 г. было закреплено еще одно обязательство. Оно касалось сферы осуществления правосудия и запрещало лжесвидетельство и ложные доносы. Подданные царя клялись «по ссылкам во всяких делах сказывать... вправду, по свойству и по дружбе и ни по ком не покрывать, а по недружбе ни на кого ложно не сказывать». Схожее положение было зафиксировано в записи 1598 г. на верность Борису Годунову. Последующие всеобщие крестоцеловальные записи о посягательствах на интересы правосудия не упоминали.

Есть основания полагать, что составители текста записи 1645 г. считали сферу правосудия, и прежде всего, проблему ложных доносов и свидетельств, заслуживающей пристального внимания. Закрепление относящихся к ней положений непосредственно после запрета «скопа и заговора» наводит на мысль о том, что в правительстве, а возможно, и в более широких кругах московского общества сформировалось мнение о взаимосвязи проблем предупреждения беспорядков и недопущения нарушений и злоупотреблений в судебной сфере. В этих условиях выдвижение требования о создании Уложения в ответ на события Московского бунта 1648 г. выглядит достаточно логичным.

3. Крупнейшим событием политической и юридической жизни России XVII в. стало принятие Земским собором 1648-1649 гг. особого систематизированного законодательного акта – Уложения царя Алексея Михайловича. Уложение на длительный период закрепило основы политического строя России. Оно оставалось действующим нормативным правовым актом на протяжении почти двухсот лет.

Одной из важных задач, стоявших перед составителями Уложения, была задача обеспечения безопасности политического строя Московского

⁵ Шертная записка (в списке), по которой клялись магометанского закона подданные в верности государю царю Алексею Михайловичу, царице Марии Ильиничне и царевичу Дмитрию Алексеевичу. 1648 года. // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Т. 3. № 123. С. 440.

⁶ «...буди на мне Божий огненный мечь и буди яз проклят в сем весе и в будущем, и то золото не пройди в мое горло и испорти во мне сердце и весь живот, и сабля государя... буди на моей шее». – Там же.

царства. Ее решению была посвящена, в первую очередь, глава вторая Уложения.

Сопоставление крестоцеловальной записи на верность Алексею Михайловичу 1645 г. (с учетом шертной записи 1648 г.) и главы второй Уложения 1649 г. показывает, что в основе конструкции этой главы, вероятнее всего, лежала именно крестоцеловальная запись⁷. Она предопределила как те нормы, которые были включены во вторую главу Уложения, так и последовательность их изложения.

Вторая глава Уложения дополняла и развивала государственно-правовые по своей сути предписания крестоцеловальной записи более или менее детализированными уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными нормами. С этой точки зрения Уложение 1649 г. содержало модернизированные в соответствии с представлениями середины XVII в. охранительные предписания, призванные обеспечить реализацию обязательств, которые были зафиксированы в крестоцеловальной записи. Как представляется, в Московской религиозно-правовой системе крестоцеловальная запись на верность царю Алексею и глава вторая Соборного уложения были взаимозависимыми формами выражения неразрывно связанных между собой религиозно-правовых норм.

Охранительная направленность главы второй Уложения 1649 г. нашла отражение уже в ее названии «О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать». Именно формы и методы охраны «государьского здоровья» составили основное ее содержание.

«Государьское здоровье» как высшая политическая ценность была определена в крестоцеловальной записи 1645 г. Зависимость устойчивости Московской политической системы от здоровья государя наглядно проявилась в 1633-34 г.г. после смерти «Великого государя» патриарха Филарета, а затем и в 1645 г. после смерти еще относительно молодого (48 лет) царя Михаила. Сказалась и молодость царя Алексея.

Необходимость особой защиты «здоровья государя» стала еще более очевидной в ходе беспорядков

1648 г., вызванных политическими причинами: недовольством населения решениями правительства Б.И.Морозова (новая пошлина на соль) и злоупотреблениями близких к царю лиц, а также молвой о пристрастиях царя и правителя к иностранным обычаям. Опыт смутного времени, в частности, события 1605-1606 гг., когда Лжедмитрия также обвиняли в «отступлении от старины» и засилье иностранцев, заставлял окружение Алексея считать угрозу «здоровью государю» вполне реальной и требующей необходимых мер защиты.

В то же время, глава вторая Уложения не содержала исчерпывающего перечня всех таких мер. В главе было регламентировано применение смертной казни по «государевым делам», а также даны предписания местным властям по вопросам о судьбе имущества изменников и особенностях организации расследования по «государеву делу и слову».

В литературе высказывалось мнение о том, что «по смыслу заголовка главы предусмотренные в ней преступления распадаются на две части: 1) преступления против государевой чести; 2) преступления против здоровья государя»⁸. Как представляется, это утверждение нуждается в уточнении.

Анализ признаков преступлений, упомянутых во второй главе Уложения, показывает, что они действительно не могут быть сведены «только к охране чести государя»⁹ лишь, если понятие «честь» трактовать в современном смысле. Однако в XVII в. «честь» понималась намного шире, чем сейчас. Понятие «чести» охватывало все принадлежащие лицу права и прерогативы, все его интересы, которые в настоящее время входят в юридическую характеристику личности. При этом в условиях сословной социальной структуры понятие «честь» включала и определение места соответствующей личности в обществе, его социальный и религиозно-политический статус.

Поэтому «государьская честь» в Уложении 1649 г. есть не что иное, как «статус и личность» государя. Посягательство на «государьскую честь», ее ущемление и оскорбление («безчестье») усматривалось во всех преступлениях

⁷ В.А.Линовский отмечал значение крестоцеловальных записей XVI-XVII в. для главы второй Уложения как прецедента в области политических дел. – См.: Линовский В. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича. Одесса, 1847. С. 12-18.

⁸ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 145.

⁹ Там же.

против личности, религиозно-политического и социального статуса государя. Наиболее серьезные из них, влекущие за собой смертную казнь, указывались во второй главе Уложения. При этом в первую очередь названо «злоумышление на государское здоровье» как основной элемент и условие незыблемости «государской чести».

Таким образом, «государская честь» и «государское здоровье» по Уложению не являются двумя разными ценностями. Безопасность здоровья является элементом и ядром «государской чести». При этом добавление в названии главы второй словосочетания «и как его государское здоровье оберегать» не указывает на новый объект правовой защиты, а лишь подчеркивает охранительное назначение главы.

Говоря о значении главы второй Уложения 1649 г., А.Г.Маньков справедливо указывал, что «в ней дано наиболее полное и концентрированное выражение статуса власти царя как верховного главы государства в условиях начавшегося распада сословно-представительной монархии и зарождения абсолютизма»¹⁰. Статус государя нашел выражение в названии главы второй и ее месторасположении – в начале Уложения сразу после главы «О богохульниках и о церковных мятежниках». Нашел он отражение и в содержании предписаний о защите «государской чести». Нормы об уголовной ответственности за соответствующие преступления одновременно с охранительной функцией обеспечивали и реализацию функции общезакрепительной. Описывая меры воздействия за посягательства на охраняемые ценности, они одновременно обеспечивали незыблемость самих этих ценностей, охватываемых общим понятием «государской чести».

4. Как уже отмечалось, среди обязательств подданных царя Алексея Михайловича, которые они брали на себя под религиозной присягой, на первом месте наряду с предписанием «государского здоровья оберегати» был указан запрет «никакого лиха им государям не мыслити». Статья 1 главы второй Уложения подкрепляла этот запрет уголовно-правовой санкцией: «Будет кто каким умышлением учнет мыслити на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету про то его

злое умышление сыщется до пряма, что он на царское величество злое дело мыслит, и делать хотел: и такова по сыску казнити смертию».

Закрепленная в указанной статье норма является результатом развития и конкретизации общего предписания о смертной казни «государского убойцы», известного из Судебников XVI в. (1497 г. – ст. 9, 1550 г. – ст. 61, 1589 г. – ст. 115). В них посягательство на своего государя было указано на первом месте среди наиболее опасных преступлений.

В Уложении 1649 г. большинство статей, определяющих наказание за убийство, были включены в главу двадцать вторую «Указ за какие вины кому чинить смертная казнь и за какие вины смертию не казнить, а чинить наказанье». Так, статья 9 этой главы устанавливала: «А будет чей человек того, кому он служит, убьет до смерти, и его самого казнить смертию же безо всякие же пощады». Как видим, здесь была предусмотрена смертная казнь за убийство зависимым лицом своего господина.

В отношении злоумышления на царя как «Великого государя» наказуемость намного более строгая. Уложение предусмотрело за него смертную казнь, причем не только если виновный намеревался совершить убийство, но и за злоумышление «на государское здоровье» вообще.

Такой подход соответствовал сложившимся в Российском царстве религиозно-правовым воззрениям. В то же время, на полях рукописного списка Уложения 1649 г. отмечено, что соответствующее положение заимствовано из Литовского статута – основного законодательного акта Великого княжества Литовского, которое было одним из главных иностранных партнеров и конкурентов Московского государства. Однако, заметка на полях свидетельствует, по нашему мнению, не о заимствовании самой идеи наказуемости «злоумышления на государя» (эта идея в XVII в. была неотъемлемым элементом московского религиозно-правового сознания), а о стремлении под влиянием Литовского статута установить хотя бы минимальные формальные ограничения для применения смертной казни за это преступление.

При ознакомлении с первой статьей главы второй Уложения бросается в глаза то, что здесь дважды – в начале и в конце статьи, – дается описание наказуемого деяния, причем описание

¹⁰ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 145.

это не совпадает. Это обстоятельство чаще всего объясняется казуистичным стилем изложения норм Уложения. В то же время, можно высказать и иное предположение.

По нашему мнению, описание преступления в начале и в конце статьи имеет не одинаковое правовое значение. В начале статьи указано основание для извета и начала сыска. Оно сформулировано довольно широко и с применением терминологии крестоцеловальной записи: «кто каким умыслом учнет мыслити на государственное здоровье злое дело». Подозрение в любом подобном умысле проявившемся, например, в «непригожих речах», давало по сложившейся практике основание для объявления «государева дела» и начала сыска.

В то же время, в конце статьи указано основание для назначения наказания – смертной казни. Составители Уложения попытались сформулировать его более определенно: «он на царское величество злое дело мыслит, и делать хотел». Как видим, с целью отграничить наказуемое смертью злоумышление от «непригожих речей» и иных проявлений неуважения к царю, не влекущих смертной казни, описание преступления было дополнено признаком желания конкретного «дела». Из этих слов Г.Г.Тельберг даже сделал вывод о том, что речь в статье шла о наказании не «голового умысла», а умысла, осложненного какими-либо подготовительными действиями¹¹.

Для столь однозначного заключения сам текст Уложения оснований не дает. Поэтому большинство исследователей, в основном, присоединяется к мнению В.И.Сергеевича о том, что в статье 1 главы второй Уложения предусмотрена наказуемость «голового умысла» по аналогии со средневековым правом Западной Европы, где «голый умысел против жизни и здоровья государя... вел к совершенно таким же последствиям, как и само совершение»¹² посягательства. В то же время, дополнение, сделанное составителями Уложения («делать хотел»), свидетельствует,

что они имели в виду умысел прямой и конкретизированный, в содержание которого входит желание лично совершить вполне определенные действия во вред царю («злое дело»), планирование таких действий, а не просто одобрительное отношение к каким-либо неблагоприятным для царя событиям.

Основание для назначения смертной казни появлялось тогда, когда именно о таком желании «сыщется допряма». Это процессуальное требование подчеркивало необходимость соблюдения установленной процедуры расследования и суда и получения необходимых доказательств желая «делать злое дело». Такие доказательства, вероятнее всего, могли появиться уже после начала подготовительных действий, хотя теоретически они могли быть получены, даже если злоумышленник еще и не приступил к реализации своего плана¹³.

5. Выше отмечалось, что после запрета «мыслить лихо на государя» крестоцеловальная запись на верность Алексею Михайловичу содержала обязательство не совершать посягательств на право государя быть царем. Оно включало три момента: запрет «хотеть иного государя», запрет «подыскивать под ним государства» и, наконец, предписание «битись с теми людьми», у кого будет «скоп и заговор или иной какой злой умысел на государя», либо сообщить о таких лицах представителям власти.

Уголовно-правовую санкцию за нарушение этого обязательства закрепляла статья 2 главы второй Уложения 1649 г. В ней составители Уложения сделали попытку более четко очертить круг составляющих «подыскание государства» деяний, за которые может быть назначена смертная казнь. Они исходили из того, что самого по себе «хотения иного государя», не подкрепленного конкретными действиями (то есть «голового умысла» на смену царя, одобрительного отношения к такой замене, что по сложившейся практике было безусловным основанием для «государева дела»), для применения смертной казни еще не достаточно.

¹¹ Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. С. 64-67.

¹² См.: Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903 г. С. 364. Памятники русского права. Вып. 6. С. 31-32. Соборное уложение 1649 года. Тест. Комментарий. Л., 1987. С. 146.

¹³ М.Ф.Владимирский-Буданов по этому поводу писал, что в статье 1 главы второй Уложения имеется в виду «умысел, быть может, выразившийся в каких-либо в подготовительных действиях, ибо для обвинения в нем требуется произвести сыск». – См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 339.

Поэтому в статье описаны те деяния, в которых должно было найти свое выражение посягательство на политические права царя.

На первом месте здесь указывались действия тех, «кто при державе царского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть, и для того своего злово умышленья начнет рать збирать». Речь, как видим, идет о приготовлении к насильственному захвату власти, выразившемся в создании вооруженного формирования («збор рати»). Субъектом преступления в этом случае является сам претендент на престол, то есть, по терминологии и представлениям того времени, «самозванец».

Описание указанного преступного деяния в Уложении дано под заметным влиянием литовского правового опыта. Формулировка очень схожа с положением Литовского статута (разд. 1 арт. 3), посвященным одному из проявлений оскорбления величества: «хотечи кто осести и опановати тое панство В. князство и господарем на нем быти, и войско – люд служебный збирал, выводил». Составители Уложения посчитали правильным именно сбор войска считать достаточным для наказания смертью проявлением желания завладеть государством.

В то же время, для подобного решения было немало оснований и в московском правовом опыте первой половины XVII в., когда наиболее опасные, а главное, результативные проявления самозванства были неразрывно связаны с созданием вооруженных формирований («воровской рати»).

Генетически анализируемое положение Уложения 1649 г. является развитие и конкретизацией нормы Судебников о наказании кромольников. Ведь подобные деяния в XV-XVI вв. рассматривались как одна из форм кромолы. Практика начала XVII в. существенно уточнила представления об этом преступлении. Попытка отразить и закрепить эти новые представления и была сделана составителями Уложения. Их подход, при этом, содержит важные отличия от текста Литовского статута.

По литовскому праву «сбор войска» рассматривается как способ овладения властью в государстве после смерти главы Речи Посполитой и его потомков. Речь шла о тех ситуациях, когда возникала необходимость выборов нового короля, а кто либо из претендентов стремился повлиять на их итоги путем демонстрации во-

енной силы. Подобные случаи были нередкими в польско-литовской истории XVI в. и особенно характерными для периодов «безкоролевья» («безкрулья»).

Одновременно соответствующее положение Литовского статута было направлено против попыток раскола Речи Посполитой. По этому поводу М.Ф.Владимирский-Буданов писал: «Статут имеет в виду специальный вид политического преступления, свойственный только Литовско-Русскому государству – отделение этого государства от династии польских королей, то есть разрушение Унии»¹⁴. При живом короле Польши, который одновременно был Великим князем Литовским, подобное развитие событий было невозможно. Поэтому сбор войска с целью овладеть государством рассматривался по литовскому праву как форма оскорбления величества государя после его смерти.

Иной подход мы видим в Московском государстве. Его история начала XVII в. показала, что и при живом царе (Годунов, Шуйский, Романов) появление «самозванца» или иного претендента на престол, располагающего военной силой, представляет серьезную угрозу для царской власти в Москве или «отдельных государствах российского царствия» (например, в Астраханском царстве). Именно поэтому в Уложении 1649 года «сбор рати» рассматривается как посягательство на «государеву честь» в период царствования Алексея Михайловича («при державе царского величества»), а не после его смерти¹⁵.

Наряду со «сбором рати» с целью «завладения государством», еще одной формой посягательства на политические права царя и проявлением наказуемого смертью «хотения другого государя» Уложение 1649 г. называет оказание помощи врагам царя. Статья 2 главы второй Уложения гласит: «...или кто царского величества с недруги учнет дружитися и советными грамо-

¹⁴ Владимирский-Буданов М. Отношения между Литовским Статутом и Уложением царя Алексея Михайловича (По поводу «Истории Кодификации» С.В. Пахмана. СПб., 1876). // Сборник государственных знаний. Т. 4. СПб., 1877. Раздел «Критика и библиография». С. 9.

¹⁵ Поэтому фраза Уложения «при державе царского величества» не может считаться «излишней и непонятной», как полагал М.Ф.Владимирский-Буданов (Указ. соч. С.9).

тами ссылаться и помочь им всячески чинить, чтоб тем государевым недругам по его ссылке Московским государством завладеть, или какое дурно учинить,... и такова... казнить смертью».

Тем самым Уложение закрепило норму о наказании за нарушение обязательства крестоцеловальной записи «с недруги государевы битись до смерти». Ее конструкция испытала влияние формулы Литовского статута: «хто бы теж с неприятельм нашими порозумене мел, листы до них, або послы, радячи против нам господарю и речи посполитой, або остерегаючи, слал, тым неприятелем якую помочь давал» (Разд. 1, арт.3). В то же время, если в Статуте указаны три относительно самостоятельные формы преступления: сговор с неприятелем, передача ему информации и физическое пособничество неприятелю, – то в Уложении любая «дружба» с недругом царя может быть наказуема. «Советные грамоты» и «помочь» здесь лишь отдельные из возможных проявлений такой дружбы.

В то же время, в Литовском статуте наказание за сговор с неприятелем и оказание ему содействия не зависят от направленности умысла виновного. Иное мы наблюдаем в Уложении. Если толковать его текст буквально, оказывается, что смертная казнь предусмотрена не за любую дружбу с недругами царя, а только когда она направлена к достижению хотя бы одной из двух целей: «тем государевым недругам по его ссылке» (1) овладеть государством или (2) причинить ему вред («какое дурно учинить»).

Можно предположить, что составители Уложения сознательно стремились ограничить возможность применения лишения жизни за саму по себе дружбу с неприятелем. Определенную роль в этом мог сыграть личный опыт одного из членов комиссии по подготовке текста Уложения – князя С.В.Прозоровского. Ведь сам он ранее в 1634 г. был осужден за измену по так называемому Смоленскому делу.

В вину Прозоровскому ставилось тогда участие в заключении договора о капитуляции перед королем Речи Посполитой Владиславом (который тогда претендовал на московский престол) и «целование ему креста». Это деяние в приговоре было охарактеризовано как заслуживающее смертной казни. Наказание Прозоровскому было смягчено в силу его личных боевых и служебных заслуг. Он был приговорен к ссылке в Си-

бирь, замененной затем поселением в Нижнем Новгороде. Вскоре он был возвращен в Москву и восстановлен в правах.

Именно Прозоровскому, вероятно, особенно важным представлялось увязать возможность смертной казни за внешние проявления «дружбы с неприятелем» с обязательным наличием у виновного желания причинить вред государству. Его личный опыт убеждал, что в ином случае наказание будет необоснованным и несправедливым.

Подобная мысль могла быть близка и главе уложенной комиссии – боярину Н.И. Одоевскому. Его государственный опыт подсказывал, что отдельные дружелюбные жесты к неприятелю вполне могут быть дипломатическими уловками, а не проявлением преступных намерений. Не случайно в Уложении, в отличие от Литовского статута, вообще не упоминается «посылка послов» к неприятелю как форма анализируемого преступления. Ведь вероятность неверной интерпретации поведения посла была очень велика.

В итоге составители Уложения зафиксировали необходимость учета субъективной стороны деяния лица, оказавшего помощь «недругу» царя, при решении вопроса о наказании. Условием смертной казни назван прямой враждебный умысел. В то же время, отсутствие такого умысла не исключало наказания вообще. Его вид мог определяться в каждом конкретном случае «по царскому указу и боярскому приговору».

Таким образом, с принятием Уложения 1649 г. в Московском государстве в основном завершилось формирование обновленной системы правовой защиты политической безопасности. Она носила комплексный характер и отличалась сочетанием предупредительных и карательных мер. Система включала предписания государственно-правовые, уголовно-правовые и процессуальные, которые взаимно дополняли друг друга. Главным объектом политической безопасности признавалась личность и статус царя. При этом юридические (светские) правила охраны политического строя во многом опирались на институты религиозного характера.

Постоянно развиваясь и дополняясь, эта система на протяжении нескольких веков в основном успешно обеспечивала защиту основ политического строя России.

Библиография:

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1995. – 640 с.
2. Владимирский-Буданов М. Отношения между Литовским Статутом и Уложением царя Алексея Михайловича (По поводу «Истории Кодификации» С.В.Пахмана. СПб., 1876) // Сборник государственных знаний. Т. 4. – СПб.: Изд. Д.Е.Кожанчикова, 1877. – Раздел «Критика и библиография». – С. 3–38.
3. Голикова И.Б. Организация политического сыска в России XVI-XVII вв. // Государственные учреждения России XVI-XVII вв. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 192 с.
4. Крестоцеловальная запись (в списке), по которой всякого чина и звания люди присягали в верности государю царю Алексею Михайловичу и матери его царице Евдокии Лукьяновне. 1645, в июле. // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. – М.: Тип. Н.С.Всеволожского, 1822. – Т. 3. – № 123. – С. 421.
5. Линовский В. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича. – Одесса: Городская типография, 1847. – 149 с.
6. Памятники русского права. Вып. 6. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – 512 с.
7. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 3 Акты Земских соборов.-М.: Юрид. лит., 1985. – 512 с.
8. Савченко Д.А. История российского законодательства об ответственности за государственные преступления: Учеб. пособие. – Новосибирск: СибАГС, 2002. – 248 с.
9. Савченко Д.А. Правовое значение крестоцеловальных записей конца XVI – начала XVII веков // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Ч. 25. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2005. – С. 62–66.
10. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. – СПб., 1903. – VIII, 664 с.
11. Соборное уложение 1649 года: Текст, коммент. / АН СССР. Ин-т истории СССР.; Подгот. текста Л.И.Ивина. – Л.: Наука, 1987. – 448 с.
12. Статут Великого княжества Литовского 1588: Тексты. Справ. Комментар. – Минск, 1989. – 573 с.
13. Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. – М., 1912. – 342 с.
14. Тельберг Г.Г. Система государственных преступлений в Уложении царя Алексея Михайловича. //Журнал Министерства юстиции. – 1911. – №№ 5,6.
15. Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции // Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича. – М., 2011. – С. 1–51.
16. Шертная запись (в списке), по которой клялись магометанского закона подданные в верности государю царю Алексею Михайловичу, царице Марии Ильиничне и царевичу Дмитрию Алексеевичу. 1648 года. // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. – М.: Тип. Н.С.Всеволожского, 1822. – Т. 3. – № 123. – С. 440.
17. Kollmann Nancy Shields. Crime and punishment in early modern Russia. Cambridge, 2012. – 488 p.

References (transliteration):

1. Vladimirskiy-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. – Rostov-na-Donu: Izd-vo «Feniks», 1995. – 640 s.
2. Vladimirskiy-Budanov M. Otnosheniya mezhdu Litovskim Statutom i Ulozheniem carya Alekseya Mihaylovicha (Po povodu «Istorii Kodifikacii» S.V.Pahmana. SPb., 1876) // Sbornik gosudarstvennyh znaniy. T. 4. – SPb.: Izd. D.E.Kozhanchikova, 1877. – Razdel «Kritika i bibliografiya». – S. 3–38.
3. Golikova I.B. Organizaciya politicheskogo syska v Rossii XVI-XVII vv. // Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVI-XVII vv. – M.: Izd-vo MGU, 1991. – 192 s.
4. Linovskiy V. Issledovanie nachal ugolovnogogo prava, izlozhennyh v Ulozhenii carya Alekseya Mihaylovicha. – Odessa: Gorodskaya tipografiya, 1847. – 149 s.
5. Savchenko D.A. Istoriya rossiyskogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za gosudarstvennye prestupleniya: Ucheb. posobie. – Novosibirsk: SibAGS, 2002. – 248 s.

6. Savchenko D.A. Pravovoe znachenie krestoceloval'nyh zapisey konca XVI – nachala XVII vekov // Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti. – Ch. 25. – Tomsk: Izd-vo Tom. Un-ta, 2005. – S. 62–66.
7. Sergeevich V.I. Lekcii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava. – SPb., 1903. – VIII, 664 s.
8. Tel'berg G.G. Oчерки politicheskogo suda i politicheskikh prestupleniy v Moskovskom gosudarstve XVII veka. – M., 1912. – 342 s.
9. Tel'berg G.G. Sistema gosudarstvennyh prestupleniy v Ulozhenii carya Alekseya Mihaylovicha. //Zhurnal Ministerstva yusticii. – 1911. – №№ 5,6.
10. Tomsinov V.A. Sobornoe ulozhenie 1649 goda kak pamyatnik russkoy yurisprudencii // Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Zakonodatel'stvo carya Alekseya Mihaylovicha. – M., 2011. – S. 1–51.
11. Kollmann Nancy Shields. Crime and punishment in early modern Russia. Cambridge, 2012. – 488 p.